

Е.М.Черноиваненко

О двух «киевских» периодах в истории русской словесной культуры
Про два «київські» періоди в історії російської словесної культури
Two “Kievan” periods in the history of Russian literary culture

В статье аргументируется идея о том, что разрыв великорусской литературы в московский период с киеворусскими и европейскими традициями обернулся для неё катастрофой. Лишь возврат к этим традициям в XVII-XVIII вв. позволил русской литературе постепенно выйти на путь нормального развития.

Ключевые слова: древнерусская литература, Средневековье, литературный процесс, влияние украинской литературы на русскую.

У статті аргументується ідея, згідно з якою розрив великоруської літератури в московський період з киеворуськими та європейськими традиціями обернувся для неї катастрофою. Лише повернення до цих традицій у XVII-XVIII століттях дозволило російській літературі поступово вийти на шлях нормального розвитку.

Ключові слова: давньоруська література, Середньовіччя, літературний процес, вплив української літератури на російську.

The article proves the idea that the gap between Russian literature of Muscovite period, and the Kievan Rus and European traditions led it to disaster. And this was only its return to these traditions in XVII-XVIII centuries that brought Russian literature back to its sustainable development.

Key words: Old Russian literature, the Middle Ages, literary process, the influence of Ukrainian literature on the Russian one.

В последние десятилетия литературоведение все чаще опирается на культурологию как на свое методологическое основание. Применение культурологических концепций в литературоведении позволяет по-новому увидеть и понять своеобразие литературного процесса той или иной эпохи в том или ином регионе. Пожалуй, наиболее значительной и плодотворной из

таких концепций является фундаментальная для литературоведения концепция, согласно которой европейская литература (и даже шире — словесная культура) от времен Аристотеля до времен Гегеля была литературой риторического типа. Концепция эта восходит к ставшему классическим труду Э. Р. Курциуса «Европейская литература и латинское средневековье» (1948). В советской науке ее разработка связана с именами таких авторитетных ученых, как, например, С. С. Аверинцев, Л. М. Баткин, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер, А. В. Михайлов, Д. С. Наливайко. Следует отметить, что в трудах названных ученых эта концепция «разворачивается» на материале почти исключительно западноевропейской литературы. Лишь в последнее время предприняты попытки применить ее к истории русской литературы — как к одному из ее периодов [см.: 1], так и ко всей этой истории [см.: 2].

Концепция риторической литературы позволяет во многом по-новому увидеть литературный процесс, его региональную и национальную специфику. Основываясь на этой концепции, можно эффективно решать многие дискуссионные проблемы истории и теории культуры, искусства, литературы.

Одной из таких проблем является давняя проблема применимости к русской литературе (словесной культуре и даже культуре в целом) критериев и закономерностей, характерных для европейской литературы. Обозначим кратко некоторые точки зрения на эту проблему.

Размышляя о своеобразии русской литературы, зрелый В. Г. Белинский подчеркивал: «Ее история, как история самой России, не похожа на историю никакой другой литературы. И потому она представляет собой зрелище и единственное, исключительное, которое тотчас делается странным, непонятым, почти бессмысленным, как скоро на нее будут смотреть, как на всякую другую европейскую литературу» [3, 7-8].

Г. Н. Пospelов не противопоставляет столь жестко русскую литературу европейской. Однако в своей книге о стадиях развития европейской литературы он был вынужден отдельно рассмотреть развитие русской: «История русской литературы так своеобразна в своей стадильности, что мы не включили ее в наш обзор, — она требует особого рассмотрения» [4,168].

По твердому убеждению Д. С. Лихачева, русская культура является органичной частью европейской культуры, как русская литература — частью европейской литературы.

Однако, как справедливо замечает М. Т. Петров, «... когда Д. С. Лихачев утверждает, что «русская культура — одна из европейских культур», то принятие или неприятие этого тезиса зависит от того, как его понимать. Если вхождение русской культуры в семейство европейских допускается автором на таких же основаниях, что и у английской, германской, французской культур, то с этим трудно согласиться. Если же эти критерии (а вовсе не вопрос о ценности, вкладе и т. п.) для России все же специфичны, то проблема как раз и начинается. Ответ, следовательно, только предстоит искать» [5, 187]. Сказанное М. Т. Петровым в полной мере применимо к словесной культуре, к литературе.

Какое решение давней проблемы «европейскости» русской литературы открывает нам подход к ней (проблеме) с позиций концепции риторической литературы?

Как известно, европейская культура в целом, как и словесная культура в частности, приблизительно до рубежа XVIII-XIX вв. была культурой традиционалистской. В рамках этой огромной эры можно, по мнению С. С. Аверинцева, выделить два периода: дорефлективного традиционализма и традиционализма рефлексивного. «Эллинская классика подготовила и осуществила, а позднеантичный эпилог этой классики расширил и упрочил всемирно-исторический поворот от дорефлективного традиционализма,

характеризовавшего словесную культуру и на дописьменной стадии, и в литературах Ближнего Востока, и у архаических истоков самой греческой литературы, к рефлексивному традиционализму, оставшемуся константой литературного развития для средневековья и Возрождения, для барокко и классицизма и окончательно упраздненному лишь победой антитрадиционалистских тенденций индустриальной эпохи. Существо этого поворота в том, что литература осознает себя самое и тем самым впервые полагает себя самое именно как литературу, т. е. как реальность особого рода, отличную от реальности быта или культа. К исходу эллинской классики это самоопределение литературы оформилось в рождении поэтики и риторики — литературной теории и литературной критики...» [6, 3]. Заметим: именно рождение риторики было условием и знаменем всемирно-исторического поворота от дорефлексивного традиционализма к рефлексивному. Как на фоне такого развития европейской словесной культуры выглядит развитие русской?

Как известно, Киевская Русь «получила» литературу в результате трансплантации христианства из Византии (в значительной мере через болгарское посредство). Это была литература глубоко риторичная по своей природе. Как метко заметил О. В. Творогов, «Русь стала читать чужое раньше, чем писать свое», и «это был богатый материал для читательского и писательского опыта, прекрасная школа литературного языка; она помогла древнерусским книжникам наглядно представить возможные варианты стилей, изошрить слух и речь на колоссальном лексическом богатстве византийской и старославянской литератур» [7, 21, 37]. Неудивительно, что впоследствии, когда в Киевской Руси рождается своя литература, она характеризуется отчетливой риторичностью. С точки зрения рассматриваемой проблемы нам важно отметить, что трансплантация риторичной по своему характеру византийской и старославянской литературы сопровождалась и трансплантацией на русскую почву

риторической теории. Свидетельством тому является включение в состав Изборника 1073 года трактата Георгия Хировоска «О образех».

Таким образом, вступив в литературный период своего развития, словесная культура Киевской Руси почти сразу вступала и в период рефлексивного традиционализма. Это обстоятельство является красноречивым свидетельством того, что словесная культура Киевской Руси интенсивно развивалась по европейской «схеме» развития. Такое ее развитие было вполне естественным, если вспомнить, что вся киеворусская культура была европейской по своему содержанию, а по уровню развития не уступала передовым странам Европы. Как известно, падение Киевской Руси в результате постоянных набегов печенегов, завершенное разгромом Киева татарами, привело к исходу населения из Поднепровья. Как пишет В. О. Ключевский, «отлив населения из Поднепровья шел в двух направлениях, двумя противоположными струями. Одна струя направлялась на запад, на Западный Буг, в область верхнего Днестра и верхней Вислы, в глубь Галиции и Польши. Другая струя колонизации из Приднепровья направлялась в противоположный угол Русской земли, на северо-восток, за реку Угру, в междуречье Оки и верхней Волги», [8, т. 1, 286, 289]. Таким образом, если предки будущих украинцев уходили в ареал, населенный европейцами-христианами, то предки будущих великороссов уходили в ареал, населенный «чудью» — племенами, не знавшими даже многобожия, поклонявшимися духам воды, леса, земли. Дальнейшее же продвижение будущих великороссов на восток приводило их в ареал, населенный татарами. Образование в XIII в. по инициативе Александра Невского единого татаро-русского государства способствовало окончательному разрыву великороссов со своей «исторической родиной» и своими «братьями», отказавшимися от союза с Ордой.

Совершенно новые (иные, чем в Киевской Руси) условия жизни, не способствовавшие развитию городской культуры и дальнейшей

христианизации; активная дехристианизация как результат этнического смешения с «чудью» и татарами; укоренение азиатско-деспотических начал во всех сферах жизни — это и многое другое приводило к тому, что культура великороссов стремительно утрачивала киеворусские (т. е. европейские) черты. У Н. С. Трубецкого в начале века были веские основания заключить: «Киевская Русь XII века не предок современной России». Справедливость этого вывода уже в наше время подтвердил столь авторитетный ученый, как Л. Н. Гумилев [см.: 9, 21].

Последовавшее после распада Орды перемещение столицы татаро-русского государства из Нового Сарая в Москву дало толчок развитию Московского государства. Это строительство, как отмечал В. О. Ключевский, было процессом крайне болезненным. По мысли В. С. Соловьева, этот процесс «... при всей своей исторической необходимости, связан был с глубоко ненормальными явлениями в жизни народа и привел его к духовному одичанию» [10, 420]. Последнее усугублялось все более осознанной и последовательной политикой изоляции от Европы, культивированием идей и чувств национально-религиозной исключительности русского народа. Все это приводило к дальнейшему «расподоблению» Европы и Московии. В развитии последней, как заметил полтора века назад П. Я. Чаадаев, «прежде всего поражает то, что ничего подобного не только не видели в других христианских странах, но что, наоборот, историческое развитие в них шло путем, совершенно противоположным нашему» [11, 264]. Через столетие об этом же скажет и Г. П. Федотов: «Весь процесс исторического развития на Руси стал обратным западноевропейскому: это было развитие от свободы к рабству. Рабство диктовалось не капризом властителей, а новым национальным заданием: создания Империи на скудном экономическом базисе. Только крайним и всеобщим напряжением, железной дисциплиной, страшными жертвами могло существовать это нищее, варварское, бесконечно разрастающееся государство» [12, 284].

Как отразилось все это в развитии русской словесной культуры, русской литературы? Уход из Киева, разрыв связей с киеворусской и европейской культурой трагически сказались в нем, обернувшись, по выражению Г. П. Федотова, «параличом языка»: «...этот паралич языка еще усилился со времени ее (Руси — Е. Ч.) бегства с просторов Приднепровья. Уже не сказать ей «Слова о полку Игореве», не составить «Повести временных лет». От новгородско-московских столетий нам осталась почти одна публицистика, отрывочный младенческий лепет, который говорит лишь об усилиях осознать новый смысл или, чаще всего, недуги государственного и церковного бытия. Не умножился скудный запас книг, спасенных в киевском разоренье. И еще дальше отодвинулся культурный мир, священная земля Греции и Рима с погребенными в ней кладами» [13, 76].

Следует отметить, что и на московской почве древнерусская литература сохраняет риторический характер. Тому были две главные причины. Во-первых, традиционалистски мыслящий средневековый книжник по-прежнему ориентировался в своем творчестве на канон, воплощенный в византийско-болгарских образцах. Во-вторых, русская литература этой эпохи нередко создается усилиями заезжих писателей, хорошо знающих риторическую теорию (так, например, крупнейшим русским писателем XVI века, по мнению Д. С. Лихачева, был Максим Грек) [14, 17].

Однако важно подчеркнуть то, что трудов по риторике и поэтике Московия не изучает (уже хотя бы ввиду отсутствия системы школьного — не говоря уже об университетском - образования), не знает и знать не желает. В риторике, поэтике, грамматике, философии русского книжника пугало прежде всего то, что науки эти были выдуманы в дохристианские времена «эллинами», которых в книжном языке Руси обычно характеризовали постоянным эпитетом «поганые». Во-вторых, науки эти были «внешними», т. е. светскими, лишенными религиозного содержания. В-третьих, «...появление грамматик свидетельствует о принципиально новом отношении к языку, В

самом деле, грамматика в принципе задает правила порождения текста — при этом любого текста на данном языке, независимо от его содержания. Правила как таковые позволяют манипулировать смыслом — и тем самым моделировать мир. По средневековым представлениям мир — это книга, т. е. текст, воплощающий в себе Божественный смысл. Символом мира является книга, а не система правил, текст, а не модель. Вместе с тем грамматика — это именно модель мира; как всякая модель она позволяет порождать тексты, наполненные новым смыслом, в том числе и тексты, заведомо ложные по своему содержанию. На этом основании на Западе в средние века могли ассоциировать латинскую грамматику с дьяволом — постольку, поскольку она учит склонять слово Бог по числу» [15, 216]. Согласиться с таким пониманием природы русского языка древнерусский книжник не мог. Вот почему, по убеждению Аввакума, «ритор и философ не может быть христианин».

Таким образом, словесная культура московской эпохи являет нам парадокс: она риторична, хотя и не знает риторики. Риторичность она унаследовала от киеворусских времен. Утратить риторичность или отказаться от нее московской литературе не давал традиционализм средневекового мышления. Отказ же от знания риторики (обусловленный названными причинами) был вполне возможен, более того — вполне закономерен. Отказ от знания риторики был отказом от вступления в стадию рефлексивного традиционализма.

Шанс, представившийся еще в киевский период, русская культура не использует еще и спустя полтысячелетия, возвращаясь на стадию дорефлексивности. Этот возврат был вполне закономерным следствием (как одновременно и ярким свидетельством) того, что до середины XVII в. Московия развивалась в направлении, во многом противоположном тому, в каком развивалась Европа.

Внезапный поворот в культурном развитии Московии был вызван присоединением Украины. Это событие, которого так долго желала и активно добивалась Москва, могло произойти лишь при условии унификации догматики и обрядности московской и киевской церквей. Москва, движимая политическими интересами, согласилась на проведение церковной реформы по киевскому образцу. Как известно, эта реформа крайне болезненно была воспринята народом Московии, издавна воспитывавшимся в сознании своего мессианства и недоверия даже к единоверным грекам и украинцам, ибо те, по московским представлениям, давно утратили «истинную веру». Реформа повлекла за собой глубочайший социально-культурный раскол и послужила мощным катаклизмом, последствия которого ощущаются в России и поныне.

Однако, в то же время присоединение Украины, не знавшей крепостничества, обладавшей развитой системой образования, жившей по законам магдебургского права, открыло Московии исторический шанс развития по европейскому пути. Значение Украины в деле европеизации России огромно и многообразно. Как отмечал В. О. Ключевский, «западно-русский (т. е. украинский или белорусский - Е. Ч.) православный монах, выученный в школе латинской или в русской, устроенной по ее образцу, и был первым проводником западной науки, призванным в Москву» [8, т. III, 259]. Важнейшей частью западного знания, с которым знакомили Московию выученики Киево-Могилянской академии, была риторика. Лишь во 2-й половине XVII в., благодаря трансплантации риторического знания из Украины, словесная культура Московии вступает, наконец-то, в стадию рефлексивного традиционализма

Таким образом, разрыв с Киевом обернулся для русской словесной культуры уходом с европейского пути развития, а союз с Киевом — возвращением на этот путь спустя полтысячелетия.

Литература

1. Сазонова Л.И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII-начало XVIII в.). – М.: Наука, 1991.
2. Черноиваненко Е.М. Литературный процесс в историко-культурном контексте. Развитие и смена типов литературы и художественно-литературного сознания в русской словесности XI-XX веков. – Одесса: Маяк, 1997.
3. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Полн. собр. соч.: В 13-ти т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. X. – С. 7-50.
4. Поспелов Г.Н. Стадиальное развитие европейских литератур. – М.: Худож. лит., 1988.
5. Петров М.Т. Проблема Возрождения в советской науке. Спорные вопросы региональных ренессансов. – Л.: Наука, 1989.
6. Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. – М.: Наука, 1981. – С. 3-14.
7. Творогов О.В. Литература Киевской Руси. X – начало XII века // История русской литературы: В 4-х т. – Л.: Наука, 1980. – Т. I. – С. 19-61.
8. Ключевский В.О. Курс русской истории // Собр. соч.: В 9-ти т. – М.: Мысль, 1987-1989. – Т. I-V.
9. Гумилев Л.Н. Записки последнего евразийца // Наше наследие. – 1991. – III. – С. 19-26.
10. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй // Соч.: В 2-х т. – М.: Правда, 1989. – Т. I. – С. 411-637.
11. Чаадаев П.Я. Письмо А.И.Тургеневу. 1843 // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – М.: Современник, 1987. – С. 259-266.
12. Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избр. статьи по философии рус. истории и культуры: В 2-х т. – СПб.: София, 1992. – Т. 2. – С. 276-303.
13. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Там же. – Т. I. – С. 66-101.

14. Лихачёв Д.С. Введение. Своеобразие исторического пути русской литературы X – первой четверти XVIII века // История русской литературы: В 4-х т. – Л.: Наука, 1980. – Т. I. – С.11-18..
15. Успенский Б.А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI-XVII вв.)// Литература и искусство в системе культуры. – М.: Наука, 1988. – С. 208-224.